

ПОЛОЖЕНИЕ ОБ ИНСТИТУТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СИБИРИ: ОТ ПЕРВЫХ ПРОЕКТОВ ДО УТВЕРЖДЕНИЯ (НОЯБРЬ 1917 – ОКТЯБРЬ 1919 г.)

На основе архивных материалов, документальных публикаций и периодической печати исследуются создание, разработка и утверждение Положения об Институте исследования Сибири. Анализируются различные изменения, внесенные в этот документ от разработки «Временного положения...» и подготовки к созыву съезда по организации ИИС до утверждения итогового проекта и последующего его рассмотрения во Временном всероссийском правительстве А.В. Колчака.

Ключевые слова: Институт исследования Сибири; Томск; наука; Гражданская война; правительство А.В. Колчака.

Изучение науки и высшего образования в Сибири в период Гражданской войны – одна из наиболее проблемных страниц в отечественной исторической науке. Несмотря на поворот, связанный со снятием идеологических ограничений в постсоветской период и вышедший в связи с этим ряд работ [1–7], некоторые проблемы остались вне поля зрения учёных. В частности, «за бортом» оказались крупные институциональные изменения, произошедшие в сибирском научном сообществе под воздействием социально-политических процессов того времени. Наиболее ярко этот пробел виден на примере изучения научной организации «Институт исследования Сибири» (ИИС). В данной работе мы остановимся на уставе этого учреждения, его разработке и утверждении, т.е. на нормативной базе ИИС, без учёта специфики которой невозможно понимание этой крупной исследовательской организации.

Мысль об учреждении научной организации, занимающейся всесторонними исследованиями Сибири, параллельно разрабатывалась во многих центрах России. В начале 1918 г. в Петрограде по поручению Петроградского союза областников Е.А. Френкелем и горным инженером Лабровичем был выработан проект учреждения Сибирского научно-хозяйственного института, работа которого подразделялась на несколько направлений: 1) сбор, систематизирование и опубликование уже имеющихся не разобранных материалов по различным отраслям хозяйственной жизни Сибири в их современном состоянии; 2) составление общей картины существующей хозяйственной жизни страны; 3) рассмотрение предложенных и составление новых проектов и планов развития для каждой из отраслей хозяйства. Решение третьей группы задач требовало проведения теоретических исследований, в том числе исторических, археологических и этнографических [8. 12 января]. Однако этот проект, встретив критику общественных организаций, изучающих Сибирь, так и не был реализован.

26 октября – 2 ноября 1917 г. в Иркутске проходил Первый сибирский метеорологический съезд, на котором с идеей основания Института исследования Сибири выступил профессор Томского технологического института Б.П. Вейнберг. Сначала он коснулся ряда актуальных проблем состояния науки в России и в первую очередь обратил внимание на отсутствие согласованности в деле проведения исследований между ведомствами и отдельными научными организациями. «Возьму самый близкий пример: метеорологиче-

ские станции, – отметил Б.П. Вейнберг. – Кем только они не учреждаются и не содержатся? Перечислю: Академия наук, учёные общества, высшие, средние и низшие учебные заведения, переселенческое управление, бывший кабинет его величества, управление государственными имуществами, министерство земледелия, железнодорожное управление, гидрографическое управление, горный департамент, управление водными путями, военное министерство (в Туркестане), министерство юстиции (на Сахалине) и даже министерство иностранных дел и святейший синод при наших миссиях в иностранных государствах. Так было, но так не будет, если признают, что так быть не должно» [9. С. 184–185]. Чтобы решить эту насущную проблему, Б.П. Вейнберг предложил создать министерство науки наподобие других имевшихся в то время министерств в России и других странах.

Созданием Министерства науки он полагал поднять статус научной деятельности в стране до статуса «государственной службы». Оно, как себе представлял Б.П. Вейнберг, должно было состоять из отделов по различным отраслям знания (география, ботаника, геофизика, история и др.). Каждый отдел избирал бы свой исполнительный орган на созываемых съездах, а также утверждал смету, рассматривал отчёты и намечал планы дальнейших работ. Во главе отделов стояли советы, которые могли присуждать учёные степени аспирантам за их научные труды. Учёные, подобно чиновникам, располагали бы своим «штатом служащих», т.е. вспомогательных работников (чертёжники, архивариусы и др.), и получали жалование от государства. Важным моментом в рассуждениях Б.П. Вейнберга был тезис о том, что научные ведомства могли бы сами составлять свои сметы, а не довольствоваться средствами, которые выделяет им государство.

Министерство науки не походило бы на другие министерства России, в которых чиновники назначались сверху правительством. Наоборот, новое учреждение должно было опираться на общественность, а также всемерно поощрять частную научную инициативу. Советы, возглавляющие те или иные отделы (отдел геофизики, отдел гидрологии и др.) министерства науки, предполагалось формировать из академиков и профессоров высших учебных заведений, представителей научных обществ, ведомств и др. Члены советов, в свою очередь, могли приглашать в её состав других лиц, известных своими научными трудами [Там же. С. 187]. Координацию деятельности всех отделов Министерства науки должен был осуществлять Совет министерства.

Помимо отделов по соответствующим наукам Б.П. Вейнберг предлагал создать при Министерстве специальные комитеты, которые занимались бы координацией исследований, направленных на изучение отдельных регионов России: Кавказа, Туркестана, Северного края и, конечно же, Сибири. Комитетом, занимающимся организацией изучения Сибири, должно было стать упоминаемое в докладе Б.П. Вейнберга «Ведомство исследования Сибири». Более реальным, однако, Б.П. Вейнберг в качестве первого шага считал открытие Института исследования Сибири. В задачи последнего входила бы систематизация уже осуществлённых исследований, а в перспективе – координация планируемых вплоть до публикации полученных результатов и т.д. Тем самым реализовалась бы одна из идей Б.П. Вейнберга, согласно которой изучение Сибири в будущем должно было стать делом самой Сибири.

Таким образом, на метеорологическом съезде в Иркутске идея учреждения министерства науки представляла собой «программу максимум», в то время как организация Института исследования Сибири была на первых порах лишь «программой минимум».

Размышления Б.П. Вейнберга нашли отражение в представленном им на рассмотрение делегатов метеорологического съезда «Временном положении об Институте исследования Сибири». После обсуждения в него были внесены некоторые изменения, не меняющие, однако, в корне его суть.

Первая статья «Временного положения...» гласила: «Институт исследования Сибири учреждается... для объединения исследований Сибири в научном и научно-практическом отношениях» [9. С. 202]. ИИС, помимо собирания информации о произведённых исследованиях и согласования предстоящих, имел право «организовывать исследования и экспедиции, созывать съезды и вообще принимать меры для успешного осуществления своих задач».

Делегаты поддержали идею Б.П. Вейнберга о том, что ИИС должен иметь демократическую структуру управления. Стоявший во главе института совет включал бы в себя членов, избирающихся от научных и технических обществ, архивных комиссий и высших учебных заведений, земских и городских учреждений, а также ведомств, причастных к делу изучения Сибири.

Стоит отметить также, что отсутствие координации исследований в Сибири не было единственным фактором, повлиявшим на поиски сибирским научным сообществом новой формы научной организации. В Сибири, словами видного геолога Я.С. Эдельштейна, ширилось движение «в пользу насаждения местных исследовательских институтов» [10. С. 10]. Это движение шло из Европейской России, и наиболее ярким примером здесь была Комиссия по изучению естественных производительных сил России (КЕПС).

Основные принципы работы КЕПС, изложенные 8 апреля 1915 г. В.И. Вернадским в записке «Об изучении естественных производительных сил России», удивительно напоминают принципы работы созданного впоследствии ИИС. Прежде всего к ним относятся: 1) комплексный подход к исследованиям с уча-

стием физиков, химиков, геологов, ботаников и зоологов; 2) открытость к критике со стороны общественности; 3) финансирование со стороны не только государства, но и частных лиц, общественных и экономических организаций [11]. По утверждению А.В. Кольцова, «комиссия представляла собой подлинно демократическое учреждение. Ее руководящие органы избирались путем тайного голосования. Все принципиальные вопросы, касающиеся работы комиссии, обсуждались на Общем собрании, советом и подкомиссиями. Руководители КЕПС стремились учесть все точки зрения, которые высказывались учеными при рассмотрении различных аспектов ее деятельности» [Там же]. К 1917 г. в работе КЕПС принимало участие 139 видных учёных, и множество контактировало, в том числе будущий ректор Томского университета А.П. Поспелов, принявший деятельное участие в подготовке съезда по организации ИИС и его работе. Таким образом, влияние идеи исследовательских институтов на взгляды ученых-сибиряков представляется несомненным.

После окончания работы Метеорологического съезда в течение продолжительного времени шла подготовка к созыву съезда по организации ИИС. В этот период Б.П. Вейнберг и В.Б. Шостакович (директор Иркутской магнитно-метеорологической обсерватории), решая задачи организационного характера, не упускали из виду и принципиальный вопрос о главном предназначении будущего института. В.Б. Шостакович конкретизировал основные направления деятельности института. Им было выделено 7 направлений: 1) организация Сибирского областного музея; 2) охрана исторических и культурных памятников и памятников природы; 3) создание Сибирского областного книгохранилища; 4) собирание в институте всевозможных материалов, посвящённых Сибири; 5) составление и издание обзоров уже произведённых исследований Сибири в различных направлениях; 6) руководство дальнейшим планомерным и систематическим исследованием Сибири, а также производство самостоятельных исследований; 7) издательская деятельность ИИС [12. Ч. 1. С. 19–20].

В другом ключе мыслил Б.П. Вейнберг. В письме В.В. Сапожникову (министр народного просвещения Временного всероссийского правительства А.В. Колчака) от 21 октября 1918 г. он писал: «Первый съезд членов Института исследования Сибири... неизбежно столкнётся с большим вопросом о централизации компетенции ведомств». И здесь, полагал он, есть риск либо «броситься в Сциллу отвлечённо-идейного объединения работников по исследованию Сибири, либо попасть в Харибду немедленного насильственного объединения из всех ведомств тех их частей, которые посвящают свои работы исследованию Сибири... либо *необходимо будет* (курсив наш. – В.Р.) найти какой-нибудь промежуточный путь» [13. Д. 11. Л. 13 об.].

По мнению Б.П. Вейнберга, учитывая «ведомственное самолюбие», в качестве переходной модели на пути к Министерству науки (а он склонялся именно к этой форме объединения) могло быть учреждение ИИС в составе ряда готовых к работе отделов,

перечень которых предполагалось определить на съезде. Эти отделы можно было бы объединить центральным органом, выполняющим, однако, сугубо административно-исполнительные функции. Законодательная власть должна была принадлежать съезду членов совета института, выборного по своему характеру. При этом различные отделы ИИС в зависимости от местоположения, наличности материалов, персонала и прочего могли располагаться в различных городах.

Упомянул Б.П. Вейнберг и проект, разработанный метеорологическим бюро и опытно-агрономическим бюро Амурской области, предлагавшими территориальное, а не предметное объединение организаций, изучающих Сибирь, в виде «областных научных центров». «Принять ли это решение или то, которое было указано мною выше, или же и здесь найти решение компромиссного типа, – отмечал он, – будет опять-таки одной из основных задач съезда» [13. Д. 11. Л. 14 об.].

Дальнейшую работу над проектом положения провело исполнительное бюро, созданное для подготовки съезда по организации ИИС в декабре 1918 г. Проект положения включал в себя следующие разделы: Цели Института, Права Института, Состав Института и Средства Института. В первой статье первого раздела подчёркивался государственный характер ИИС и прописывалось, что в его обязанности входит «планомерное и систематическое исследование природы, жизни и населения Сибири». В качестве форм деятельности института был определён достаточно обширный круг мероприятий, включающих в себя снаряжение экспедиций, устройство наблюдательных станций и обсерваторий, испытательных станций, лабораторий и опытных заводов (п. 2а), сбор и систематизацию сведений, планирование и объединение исследований, поощрение научных и научно-практических исследований, содействие подготовке кадров исследователей и др. [12. Ч. 4. С. 10].

Во втором разделе было два ключевых пункта: во-первых, ИИС по своим правам приравнивался к Российской академии наук; во-вторых, ИИС должен был состоять в ведении Совета министров.

Состав института подразделялся на четыре основные категории: члены института, почётные члены института, сотрудники института и корреспонденты института. Члены Института избирались советами отделов института из лиц, известных своими трудами по исследованию Сибири или познаниями в данной области. Почётные члены избирались советом института из лиц, оказавших выдающиеся услуги делу исследования Сибири. Сотрудники избирались учёными учреждениями, высшими учебными заведениями, учёными обществами, ведомствами и общественными организациями, посвящающими свои работы исследованию Сибири, из лиц, известных своими трудами по исследованию Сибири. И, наконец, корреспонденты избирались из лиц, имеющих печатные или практические труды по исследованию Сибири [Там же].

Управление институтом должно было осуществляться через совет института, советы отделов института, и общие собрания. Различными делами института ведали специальные комиссии (правленская, хозяйственная, редакционная, библиотечная, музейная и т.п.). Не оста-

навливаясь на всех подробностях, отметим исключительно совещательную функцию общих собраний, в то время как всеми основными вопросами (утверждение правил для различных учреждений – участников ИИС и назначение их заведующих, утверждение инструкций для различных комиссий, денежные назначения отдельным исследователям и научным обществам, составление и утверждение сметы, изменение положения об ИИС и даже утверждение почётных членов) ведал совет института.

Средства института в этом проекте Положения подразделялись на штатные, отпускаемые государственным казначейством, и специальные, образующиеся из остатков штатных ассигнований, от коммерческой деятельности ИИС, а также от пожертвований и других поступлений.

Всё вышесказанное позволяет заключить, что *к моменту созыва съезда по организации ИИС проект положения об ИИС уже приобрёл определённый «каркас»*. Теперь же в ходе работы съезда проект бюро предстояло дополнить и конкретизировать в соответствии с пожеланиями участников, превратив его в официальный документ – устав нового научного учреждения. Вопросы о конструкции института были столь значительны, что вокруг них то и дело возникали оживлённые споры.

Открыв начало обсуждений, Б.П. Вейнберг, видимо, пытаясь сэкономить время работы съезда, предложил участникам собрания высказаться сразу по трём основным вопросам: целям ИИС, его составу и подведомственности. Однако присутствующие, желая принять более деятельное участие в разработке положения, большинством голосов высказались за предварительные общие прения по всем трём основным вопросам. С этого момента собрание перешло к обсуждениям каждого конкретного пункта устава положения.

В первую очередь обсуждались цели института, т.е. характер его деятельности и приоритеты. Часть делегатов (Д.А. Мацкевич, С.П. Никонов, Н.Н. Быховский и др.) рассматривали ИИС исходя из экономического или политического положения, в котором в то время находилась вся Россия и правительство А.В. Колчака в частности. Коль скоро промышленность Сибири остро нуждалась в сырье и новых технологиях, а Всероссийскому правительству необходимо было упрочить свои позиции на международной арене, то перед ИИС они ставили задачи экономического возрождения Сибири, а значит, приоритета практических, утилитарных целей. На практике, полагали они, такая организация должна была воплотиться не в виде института, а в виде вольно-экономического общества или другой экономической организации.

Другая группа (В.И. Анучин, Б.П. Вейнберг и др.) придерживалась «принципа чистой науки» и стояла если не за главенство теоретических исследований, то, по крайней мере, их паритета с научно-практическими разработками. Её сторонниками часто проводились параллели ИИС и Российской академии наук, где теория и практика были сбалансированы. Забегая вперёд, отметим, что здесь делегатам довольно быстро удалось прийти к компромиссу, включив в задачи института мероприятия и научного, и научно-практического характера.

По вопросу о том, на какие организации будет в первую очередь опираться институт, мнения также разошлись. Одна часть делегатов, по преимуществу иногородних (В.Б. Шостакович, А.А. Пескин и др.), настаивали на том, что институт должен опираться на широкие общественные круги, в первую очередь на городские и земские самоуправления и кооперативные общества. Если институт, говорили они, будет работать только с ведомствами, «то жизненность его будет поставлена под сомнение, ибо при скудности финансовых средств государственного казначейства многие из задач института не будут осуществлены» [12. Ч. 1. С. 73]. Другие убеждали в том, что коль скоро институт является государственным учреждением, то солидное участие в его работе должны принять ведомства.

Этот вопрос был напрямую связан с вопросом о членстве в ИИС. Часть членов комиссии настаивали на прежнем делении его членов на четыре категории (члены института, почётные члены института, сотрудники института, корреспонденты института), в то время как другие во главе с В.Б. Шостаковичем считали, что в составе института «все лица должны быть представителями ведомств, общественных учреждений, кооперативных союзов и т.д.».

По сути, участники собрания хотели выработать такие критерия выборности членов, которые обеспечивали бы ИИС как высокий уровень профессионализма, так и демократический представительный состав. Представители «академизма» упрекали своих оппонентов в том, что они вульгаризируют науку, создавая «научный сождеп». Их оппоненты подчёркивали, что в условиях хозяйственной разрухи без привлечения широкой общественности невозможно будет сколько-нибудь успешное функционирование будущего учреждения. В результате после долгих дебатов вечером 21 января голосованием 24 против 12 при трех воздержавшихся был принят первоначальный проект положения, означавший победу сторонников «академизма» [Там же. С. 99].

Отдельные проекты Положения об ИИС были выдвинуты от групп лиц П.М. Писцовым, В.Б. Шостаковичем, С.В. Шперлингом и Н.Н. Белослюдовым.

Проект, зачитанный сотрудником Благовещенского бюро опытной агрономии П.М. Писцовым, характеризовал будущий ИИС как «высший центральный научно-практический орган», контролирующий все части и органы ведомств, занимающихся исследованием Сибири. Отделы должны были заниматься как теоретическими исследованиями, так и вопросами практической реализации полученных результатов (всё это, однако, не отменяло того факта, что ИИС, подчиняясь совету министров, подчинялся и его решениям о приоритете тех или иных задач. – *В.Р.*). Состав ИИС должен был включать представителей учёных и технических обществ, высших учебных заведений, городских и земских самоуправлений, кооперативов, общественных и частных учреждений и др. В вопросе порядка вступления только ведомства имели возможность действовать по своему усмотрению, остальные же подчинялись решениям съездов [Там же. С. 73].

Проект В.Б. Шостаковича, точнее, принципы, которые он огласил, подразумевали, во-первых, сочетание научных и научно-исследовательских задач института. Во-вторых, опору как на широкие общественные круги, так и на государство. И в-третьих, В.Б. Шостакович указал на основные органы ИИС: съезд, совет и правление: «Съезд, собирающийся ежегодно, рассматривает и утверждает годовой отчёт, смету и намечает план ближайшей деятельности; совет – постоянный орган, ведающий всей деятельностью института, – состоит из 10–12 членов, выбираемых съездом из представителей министерств и заведующих отделами; правление – исполнительный орган совета, состоит из директора, помощника директора и секретаря, выбираемых съездом» [12. Ч. 1. С. 93–94].

Проект (также больше похожий на основные принципы), представленный от группы делегатов начальником томских партий отдела земельных улучшений Переселенческого управления С.В. Шперлингом, акцентировал внимание на двух моментах. Первый касался практических мер, необходимых институту для сбора, систематизации и координации исследований. По мнению автора, требовалось предписание правительства, согласно которому все занимающиеся исследованиями Сибири ведомства становились подотчетны ИИС в плане исследований. Второй момент касался вопроса о том, какой орган ИИС должен играть главенствующую роль. С.В. Шперлинг настаивал на превалирующей роли съездов института в противовес совету, который должен был играть лишь роль распорядительного и исполнительного органа [Там же. С. 94].

Проект Н.Н. Белослюдова, зачитанный от имени Семипалатинского подотдела РГО, рассматривал ИИС в качестве ассоциации сибирских учёных и технических обществ, высших учебных заведений, научных, научно-технических и сельскохозяйственных учреждений, ведомств, общественных учреждений, изучающих Сибирь, и частных лиц. Являясь юридическим лицом, эта ассоциация содержалась бы преимущественно на государственные средства. Во главе ИИС стояла сессия института, состоящая из выборных или назначенных от вышеуказанных организаций представителей. Сессия обладала довольно обширными правами: рассматривала, согласовывала и устанавливала общий план предполагаемых работ, включая те, которые планировали отдельные организации на собственные средства. Кроме того, сессия также распределяла работы по отдельным организациям и отделам, определяла необходимые для этого средства, рассматривала итоговые отчёты и премировала лучшие работы. Ролью исполнительного органа заведовало центральное бюро в Томске с филиалами на местах, которые исполняли организационные, представительные и хозяйственные функции.

Обобщая сказанное по всем четырём предложениям (за исключением проекта П.М. Писцова, который сосредоточил внимание на взаимоотношении ИИС и ведомств), отметим единодушное желание групп делегатов основать учреждение, демократичное по своему характеру как в плане представительства, так и в плане управления. Ключевую роль в управлении они

отдавали съезду института, а не совету. Это вызвало возражения Б.П. Вейнберга, настаивавшего на преобладающей роли именно совета. Съезды же, по его словам, должны были иметь направляющую, но не руководящую роль, «быть может, более интенсивную, чем та что была в проекте бюро». Реакция Б.П. Вейнберга вызвала критику со стороны В.Б. Шостаковича, упрекавшего проект бюро в излишней академичности и отсутствии широкого общественного начала.

В итоге утреннее заседание 21 января завершилось решением собрания избрать комиссию по переработке положения в составе В.И. Анучина, Б.П. Вейнберга, С.П. Никонова, А.П. Поспелова, В.Б. Шостаковича и Я.С. Эдельштейна. Пока что единодушно был одобрен пункт о том, что ИИС должен быть «государственно-общественным учреждением научно-практического характера» [12. Ч. 1. С. 97].

22 января на вечернем заседании Б.П. Вейнберг представил делегатам новый проект, учитывающий «мнения, высказанные на общих собраниях». Он отличался более подробным изложением должностных обязанностей служащих ИИС. В качестве отдельного раздела (разд. 9) были прописаны условия организации и ликвидации ИИС. Впервые упоминалась конференция института как орган, состоящий из Совета и представителей отделов Института. Вместо общих собраний предусматривался съезд института, который, в отличие от предыдущего проекта, играл бы более весомую роль в управлении. Теперь он не только мог утверждать отчёты о работах ИИС, выполненных за предыдущий период, но также обсуждал план будущих работ, смету и изменения, вносимые в положение об институте. Ключевым являлось право участников съезда избирать состав совета института и советов отделений, ранее принадлежавшее этим организациям [Там же. Ч. 4. С. 5–6].

Утром 23 января участники съезда продолжили обсуждение вопросов, связанных с разделом об управлении институтом. Некоторые делегаты высказали сомнение в необходимости учреждения конференции института, однако в конце концов все согласились с тем, что конференция должна иметь право учреждать отделы института, обсуждать и утверждать планы работ и сметы института, его отделений и отделов, вносить изменения в положение об ИИС, ходатайствовать перед Советом министров о сверхсметных ассигнованиях и изменениях в штатах, избирать почётных членов Института, созывать съезды и др. [Там же. Ч. 1. С. 108].

Общее заседание 24–25 января проходило в напряжённой обстановке, и это неудивительно. Обсуждался один из ключевых вопросов – смета ИИС. Недовольство делегатов проявилось сразу же во время обсуждения штата статистико-экономического отдела, который показался участникам чересчур большим. Причём речь шла не только о финансировании (отдел требовал 1 млн 400 тыс. руб. на операционные расходы и 900 тыс. руб. на содержание персонала), но и о кадровой составляющей. Невозможно было, по словам В.И. Анучина, найти 22 ординарных профессора, деятельность которых была бы связана с изучением Сибири [12. Ч. 1. С. 108]. Члены статисти-

ко-экономической секции (Н.А. Сборовский, В.Я. Нагнибеда, С.П. Никонов), напротив, доказывали, что необходимое число сотрудников будущей отдел может найти с избытком. Кроме того, С.П. Никонов напомнил, что «если бы статистический и экономический отделы учреждались самостоятельно, то на каждый из них пришлось бы по 11 членов», а В.Я. Нагнибеда заявил, что «трое из 22 являются представителями высших учебных заведений и съезда статистиков, и поэтому нужно отнести к числу сотрудников» (т.е. состав секции должен сократиться до 19 человек). С большим трудом 8 голосами против 5 при 22 воздержавшихся были утверждены штат статистико-экономического отдела, а в дальнейшем и его смета. Однако позже штат статистико-экономического отдела всё же был сокращён до 15 человек.

Многих участников собрания не устроила общая смета института в размере 8 млн руб., которая показалась им чрезмерной. «Настоящее положение таково, – заявил В.Б. Шостакович, – что едва ли мыслимо в ближайшем будущем мобилизовать большие силы. Не лучше ли, возбуждая ходатайство об институте и стремясь к осуществлению в ближайшем будущем времени во всей широте намеченного плана, сейчас несколько сузить наши задачи и избрать организационную ячейку, которая, стараясь провести в жизнь все пожелания съезда, перешла бы к практической деятельности?» [Там же. С. 110]. В итоге он предложил значительно уменьшить смету ИИС, доведя её до 1,5 млн руб. Однако В.Б. Шостаковича никто не поддержал.

25 января дебаты вокруг сметы ИИС продолжились. В.Б. Шостакович вновь предложил урезать смету института до 1,5 млн руб., представив свой проект организации института.

Согласно этому проекту деятельность института на первых порах должна была протекать только в двух центрах. В Томске предлагалось открыть 10 отделов (статистико-экономический, геодезический, бальнеологический, историко-этнографический, промышленно-технический, сельскохозяйственный, лесоведения, ботаники, зоологии, библиографии, музейного дела и библиотеки) в составе 10 человек. Три отдела располагались бы в Иркутске (геофизики, гидрологии, а также библиографии, музейного дела и библиотеки) в составе трёх человек. Директор института и все члены совета должны были избираться съездом, Совет же, являясь исполнительным органом института, занимался бы выполнением текущих задач. Члены совета, избираясь ежегодно, должны были строго отчитываться о выполнении возложенных на них задач. Неотъемлемым провозглашалось привлечение к работам на местах уже существующих организаций [Там же. С. 113–114].

Несмотря на единогласное прежде решение об утверждении итогового текста положения, среди участников съезда обнаружились разногласия по поводу предложения В.Б. Шостаковича. Часть делегатов (П.Г. Любомиров, В.А. Пазухин, А.П. Поспелов) посчитали, что ИИС, скорее всего, не сможет в короткий срок организовать по всем направлениям эффективную работу. В этом случае проект В.Б. Шостаковича

как менее ресурсозатратный, помог бы, по их мнению, эффективно решить эту проблему, а кроме того, свести бюрократизм института к минимуму. Б.П. Вейнберг, В.И. Анучин, Н.А. Сборовский и другие подвергали сомнению столь пессимистичный прогноз. Они, в частности, ссылались на инфляционные процессы, в соответствии с которыми 8 млн руб. по смете равнялись 800 тыс. довоенных рублей, что не являлось такой уж большой суммой (по указаниям А.Н. Лагутина, Амурская экспедиция 1910 г. стоила государству 600 тыс. руб. – немногим больше, чем требовали члены ИИС на 1919 г.). Наиболее разумным, пожалуй, был контраргумент Б.П. Вейнберга, заявившего, что «предложение В.Б. Шостаковича, меняя в корне структуру института, тем самым губит результаты одиннадцатидневной работы съезда» [12. Ч. 1. С. 114]. В конечном итоге на голосование были поставлены два предложения: «о сокращении сметы» и «о сокращении персонала», однако оба были отвергнуты. Исходя из результатов голосования видно, что отсутствие единодушия среди делегатов объяснялось тем, что многие из них склонялись к мысли, что в Сибири пока недостаточно квалифицированных учёных для столь масштабной задумки.

После обсуждения сметы делегаты перешли к рассмотрению устройства отделений ИИС. Все согласились с тем, что центр ИИС должен быть в Томске, а Восточно-Сибирского отделения – в Иркутске. Неясным оставался вопрос с Дальневосточным отделением. Большинство участников признавало наиболее рациональным открыть его в г. Владивостоке, где к тому моменту уже существовал Институт восточных языков. За Владивосток высказалось Приморское общество сельского хозяйства, которое задолго до открытия съезда ходатайствовало об устройстве Дальневосточного отделения именно в этом городе.

Однако имелись и другие предложения. Так, С.В. Шперлинг предложил в качестве центра Дальневосточного отделения Благовещенск. А.Н. Липский просил об устройстве в Хабаровске если не отделения, то хотя бы историко-этнологического отдела, ввиду обширности задач, стоящих перед этнологией «к северо-востоку от параллели оз. Ханка». В итоге было принято предложение В.И. Анучина, сводящееся к тому, что дальневосточные организации при посредничестве Восточно-Сибирского отделения должны на съезде сами определить местоположение Дальневосточного отделения ИИС [Там же. С. 110].

К вечеру 25 января дискуссии вокруг положения об ИИС были завершены, и оно было принято 74 голосами из 75.

Текст итогового Положения являлся доработанным вариантом проекта, выработанного бюро съезда и измененного в ходе общих заседаний.

В окончательной редакции были более подробно прописаны статус, права и привилегии категорий служащих института. Появились новые параграфы, касающиеся совмещения должностей. К примеру, директор института и его заведующий не могли одновременно работать в ИИС и в других учреждениях. Так, занявший впоследствии должность директора ИИС В.В. Сапожников покинул пост министра

народного просвещения. Рядовые члены ИИС могли совмещать свою работу с другой правительственной или частной «исключительно с особого каждый раз постановления того или иного органа или лица, которому принадлежит право избрания или назначения на эту должность по институту» [12. Ч. 4. С. 3].

Помимо этого, были расписаны обязанности и полномочия отделений и отделов института. Во многом они дублировали соответствующие пункты совета и съезда института. Также была подтверждена и расширена прерогатива съезда института, где избирались все ключевые фигуры: директор, помощник директора, секретари и члены как совета института, так и советов отделений и советов отделов (в последних съезд устанавливал лишь членов, а не руководящий состав) [Там же. С. 6]. Полномочия же совета и конференции остались неизменными.

Итак, начало Институту исследования Сибири было положено, но он ещё не имел статуса официального государственного учреждения, а должен был начинать свою деятельность в виде общественной организации – общества «Институт исследования Сибири».

В соответствии с уставом общества, принятым 11 февраля, его центр располагался в Томске [Там же. С. 16]. На первом организационном собрании его членов 12 февраля в совет Общества «Институт исследования Сибири» были выбраны В.В. Сапожников (председатель), Б.П. Вейнберг (товарищ председателя), Я.И. Николин, М.А. Великанов, В.И. Бауман, В.Я. Нагнибеда (казначей), В.Д. Дудецкий, П.Г. Любомиров, М.Г. Курлов, Н.В. Гутовский (секретарь), П.П. Гудков, П.Н. Крылов, М.Д. Рузский, Б.Е. Будде и И.И. Бобарыков [14. С. 163]. Всего в общество входило около 60 человек.

Параллельно работала комиссия по приведению в исполнение постановлений съезда. Она состояла из президиума съезда и его секций во главе с председателем профессором Б.П. Вейнбергом. С 31 января по 8 марта 1919 г. она провела 8 заседаний, составила, размножила и разослала в различные организации, в том числе в Совет министров, проекты «Положения об ИИС», штатов и сметы института с подробной объяснительной запиской к ним.

Подвижки в деле придания институту характера правительственного учреждения начались лишь спустя несколько месяцев после завершения работы съезда. С 1 по 18 мая 1919 г. в Омске состоялся ряд заседаний Междуведомственного совещания, посвящённых официальному утверждению Института исследования Сибири и выделению аванса на его работу. В состав совещания входили уполномоченные от министерств народного просвещения, финансов, земледелия, торговли и промышленности, а также от Государственного контроля и Главного управления по делам вероисповедания.

В ходе заседаний в принятый съездом текст «Положения...» был внесён ряд изменений. В первую очередь понизился статус будущего института. Теперь он приравнивался не к Академии наук, а к университету и находился в ведении Министерства народного просвещения. Директор и его помощник становились самостоятельными фигурами в управлении институтом, а процедура их выбора уже не являлась демокра-

тичной: они избирались конференцией, а не съездом. Съезд также лишился права участвовать во внесении изменений в «Положение об ИИС», теперь он становился скорее совещательным органом [13. Д. 24. Л. 1]. Состав самой конференции сузился: в него входили только члены совета, директора отделений и заведующие отделами. Наряду с конференцией совет мог ходатайствовать о сверхсметных ассигнованиях. Кроме того, в положение был внесён пункт, предоставляющий ИИС право получать от Книжной палаты все книги, издаваемые в Сибири. Академики Российской академии наук по своему статусу приравнивались к почётным членам института.

Большая роль отводилась организациям на местах. Учреждениям, сотрудничавшим с институтом, было предоставлено право избирать своих представителей на съезд института и участвовать в работе советов отделов в качестве полноправных членов. Учреждения, которые вели работу «по определенной специальности в общесибирском масштабе», могли получать права отделов «в отношении участия заведующих этим учреждением в совете института и представителей этого учреждения – в конференции института» [Там же. Д. 15. Л. 261 об.]. С разрешения совета института советы отделов могли приглашать на свободные места новых членов.

В целом же институт резко ограничились в плане широты его деятельности. Во-первых, была урезана смета института. Вместо 8 испрашиваемых на съезде миллионов рублей (позже смета была сокращена до 4 млн руб.) было представлено значительно меньше – 1 млн 635 тыс. руб. [15. С. 12]. Даже с учётом того, что эти средства отпускались всего на полгода, их было явно недостаточно.

Указанные изменения в смете института диктовались экономией денежных средств в условиях Гражданской войны. На первый аванс в 230 тыс. руб., выделенный «на неотложные экспедиции и обследования», институту пришлось существовать в течение полугода, хотя изначально он был отпущен всего на два месяца [6. С. 369].

Во-вторых, институту запретили по собственной инициативе открывать местные отделения. В.Б. Шостакович, сторонник широкой децентрализации в устройстве института, с негодованием писал из Иркутска в Министерство народного просвещения: «...долголетняя практика уже давно показала, что всякие работы по изучению края, организуемые и ведущиеся из отдалённого центра, далеко не оправдывают тех результатов, на которые можно рассчитывать». То же касалось и утверждённой сметы института, которая, по словам В.Б. Шостаковича, удовлетворяла целиком и полностью только «местные, томские интересы» [14. С. 160].

Томич Б.П. Вейнберг, представлявший «Положение...» на Межведомственном совещании, также протестовал против запрета институту устраивать местные отделения: «Перенесение на места задач Института в пределах определённой части Сибири... нельзя, по моему мнению, рассматривать как какое либо распыление сил, так как эти силы и без того будут находиться на местах» [13. Д. 15. Л. 263].

С этой целью он предложил предоставить институту возможность разрешить организациям на местах выступать с инициативой образования местных отделений. 26 мая 1919 г. к особому мнению Б.П. Вейнберга единогласно присоединились все члены совета общества «Институт исследования Сибири» [Там же. Д. 47. Л. 56]. Однако в утверждённом Межведомственным совещанием положении предложение Б.П. Вейнберга не нашло отклика.

Не ограничившись докладной запиской В.Б. Шостаковича, совет Средне-Сибирского отделения решил созвать в Иркутске собственное межведомственное совещание и составил обращение «Институт исследования Сибири. Вопиющая несправедливость», которое было разослано в местные газеты, а также приглашённым на совещание учреждениям и организациям [16. С. 192–193].

Возникший конфликт между Томском и Иркутском необходимо было уладить в кратчайшие сроки. 2 июня совет общества отправил товарищу председателя Средне-Сибирского отделения А.Н. Лагутину письмо, в котором содержалось особое мнение, высказанное Б.П. Вейнбергом на Межведомственном совещании, а также постановление совета Общества «Институт исследования Сибири» от 26 мая [13. Д. 47. Л. 51].

26 июня в редакцию иркутской газеты «Заря» было направлено опровержение, в котором говорилось: «...общество «ИИС» стоит на страже постановлений январского съезда и, будучи заинтересовано в существовании отделений, всячески отстаивает их и с удивлением констатирует, что в этом вопросе нет никаких разногласий между томичами и иркутянами...» [Там же. Д. 24. Л. 27, 27 об.]. 2 июля копия этого письма была направлена и в редакцию газеты «Свободный край». После этого конфликт был несколько сглажен. Но Средне-Сибирское отделение по-прежнему настойчиво боролось за возможность устраивать местные отделения.

Несмотря на успешное прохождение «Положения...» на Межведомственном совещании, вопрос о придании институту официального статуса не был ещё решён окончательно. 28 июня в Омск прибыла делегация под руководством того же Б.П. Вейнберга, целью которой было утверждение нового положения в Совете министров. Это было вызвано тем, что до Томска дошли тревожные известия от представителей Министерства народного просвещения, о том, что институт, скорее всего, не получит статус государственного учреждения [13. Д. 24. Л. 33]. Однако в ходе заседания Совета министров делегации удалось отстоять этот пункт.

До официального утверждения положению оставалось пройти ещё одну инстанцию – Государственное экономическое совещание Временного Всероссийского правительства, состоявшее из чиновников, крупных банкиров и предпринимателей. Представители Общества «Институт исследования Сибири» были намерены добиваться права на устройство местных отделений института. Кроме того, одной из задач было получение нового кредита, так как деньги, выделенные Обществу «ИИС», к тому моменту были по-

чти полностью истрачены. 28 июля 1919 г. «Положение об Институте исследования Сибири» было принято Советом министров и утверждено Верховным Правителем [17. 31 июля]. Но в «Правительственном Вестнике» его опубликуют лишь 25 октября 1919 г.

В окончательной редакции «Положение...» также содержало ряд существенных изменений. Из положительного стоит выделить предоставленную институту возможность ходатайствовать перед министром народного просвещения об устройстве местных отделений, которой он был лишён в майской редакции. Тем самым правительство пошло навстречу, прежде всего, иркутянам.

Из негативного стоит выделить то, что 11 отделов, изначально утверждённых на съезде, были реорганизованы в шесть: 1) географический с подотделами геодезии, геофизики и гидрологии; 2) бальнеологии и курортоведения; 3) естественно-исторический с подотделами ботаники, зоологии, сельского хозяйства и лесоведения; 4) промышленно-технический; 5) историко-этнографический; 6) статистико-экономический в составе статистического и экономического подотделов [Там же. 25 окт.]. Это означало, что многие отделы, которые участники изначально планировали организовать как самостоятельные, вынуждены были работать в составе объединённых. Так, отдел геофизики, располагавшийся изначально в Иркутске, теперь в качестве подотдела должен был находиться в Томске [13. Д. 17. Л. 63]. Всё это, конечно, мешало эффективной работе института.

Тем самым возможности института заниматься проведением исследований были значительно ограничены в силу урезания выделенных средств для его работы финансовой сметой, утверждённой правительством. В организационном плане сказалось и сокращение количества отделов. Других изменений в управлении не произошло, а значит, компетенции совета, съезда и конференции института остались в прежнем виде с момента утверждения майской редакции.

С принятием «Положения...» институт стал официальным государственным учреждением с особыми привилегиями и полномочиями. Однако есть основания полагать, что придание ИИС официального статуса произошло «задним числом» без подписи Верховного Правителя А.В. Колчака. Поводом для такого суждения являются письма секретаря Института исследования Сибири Н.Н. Бакая Б.П. Вейнбергу от 12, 16, 21, 30 августа и 27 сентября 1919 г. Вот что писал Н.Н. Бакай 12 августа: «...в Министерстве народного просвещения постановление об институте ещё не поступало и, конечно, ещё не подписано министром народного просвещения. Но в министерстве меня уверили, задержано положение будет лишь на день-два, и [я] немедленно затем перешлю его в Совет министров для подписания Верховным Правителем, после чего будет возвращено в Министерство народного просвещения» [13. Д. 16. Л. 54, 54а, 54а об.].

Спустя неделю он же писал Б.П. Вейнбергу: «П.И. Преображенский (товарищ министра народного просвещения. – В.Р.) до сих пор ещё не подписал “Постановление об Институте”, задержанное канцелярией совета министров, а следовательно, не отправляет его Верховному Правителю, почему, конечно, всего кредиты не могут быть открыты институту и переведены в Томск. Такое положение – результат совершенно индифферентного отношения, прежде всего, канцелярии Совета министров к судьбам института». И далее: «Везде необходимо ходить и без конца настойчиво просить, только тогда и можно достигнуть результатов. Заверяю Вас, что для института никто не шевелит здесь и пальцем, для ускорения в решении вопросов, если предоставить дело исключительно естественному ходу» [Там же. Д. 16. Л. 63, 63а, 64, 64а, 64 об.]. В приведенных отрывках из писем Н.Н. Бакая ярко проявилось безразличие со стороны бюрократов Временного Всероссийского правительства к судьбе института. Впрочем, такое отношение представляется совершенно неудивительным, ибо войска А.В. Колчака к тому времени уже отступали по всему фронту на восток, и у чиновников были другие заботы.

Подводя итоги, отметим, что Положение об ИИС, проделало до своего официального утверждения длинный путь, что, несомненно, сказалось и на судьбе самого ИИС. Начиная своё существование в качестве достаточно абстрактного проекта, Положение об ИИС не стояло на месте, постоянно «обрастая» новыми подробностями, приобретая характер официального документа. Очевидно, что конструкция института, характер его деятельности и принципы управления были полем столкновения взглядов многих учёных. Со всей полнотой это выяснилось на съезде по организации ИИС, когда со стороны иногородних делегатов критике подверглись принципы управления институтом. Их вмешательство было решающим в наделении съезда института более значительными прерогативами. Однако ключевым в событиях оказалось мнение государственных служащих, за которыми было последнее слово. В ходе событий мая–октября 1919 г. чиновники Временного Всероссийского правительства адмирала А.В. Колчака отобрали у съезда института все те полномочия, которые были даны ему в январе.

Что касается финансовой поддержки, то и здесь для ИИС обстоятельства сложились неблагоприятно. Стоящее на грани катастрофы правительство при всём желании не имело необходимых для института средств и было вынуждено резко ограничить его запросы в денежном плане, что выразилось в сокращении количества отделов. Осенью 1919 г. и без того небольшая смета ИИС была сокращена ещё на 455 тыс. руб [Там же. Д. 22. Л. 82]. Пришедшее к власти советское правительство новой сметы так и не утвердило, ограничившись оплатой произведённых работ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Молчанов Л.А. «Институт представляется в виде мощного... союза всех коллективов, причастных к делу изучения Сибири». Организация и деятельность Института исследования Сибири. 1919–1920 гг. // Вестник архивиста. 2009. № 6. С. 158–177.

2. Журналы заседаний совета Института исследования Сибири (13 ноября 1919 – 16 сентября 1920) / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. 264 с.
3. Рынков В.М. Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (вторая половина 1918–1919 г.). Новосибирск, 2008. 440 с.
4. Очерки истории Иркутского государственного университета : учеб. пособие / И.В. Олейников, С.И. Кузнецов, Ю.А. Петрушин и др. ; под ред. Ю.А. Зуляря. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2012. 144 с.
5. Хаминов Д.В. Историческая наука в Сибири и организация сибиреведческих исследований в период революции, Гражданской войны и первых лет Советской власти (1917 г. – середина 1920-х гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 352. С. 111–116.
6. Некрылов С.А. Томский университет – первый научный центр в азиатской части России (середина 1870-х гг. – 1919 г.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. Т. 2. 598 с.
7. Дальневосточный государственный университет. История и современность. 1899–1999 / Э.В. Ермакова, Е.А. Георгиевская, И.И. Глушенко и др. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. 704 с.
8. Голос Сибири (Томск). 1919.
9. Труды Первого сибирского метеорологического съезда в г. Иркутске 26–30 октября 1917 года. Благовещенск, 1919. 306 с.
10. Наука и учёные в Сибири. Геологические и гидрографические исследования // Наука и её работники. Петроград, 1921. № 1. С. 7–23.
11. Кольцов А.В. Деятельность КЕПС в годы Первой мировой войны 1914–1918. URL: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/kol199v.htm> (дата обращения: 28.03.17).
12. Труды Съезда по организации Института исследования Сибири. Томск, 1919.
13. Государственный архив Томской области. Ф. Р-26 (Институт исследования Сибири). Оп. 1.
14. «Целью института является...» : документы об организации и деятельности Института исследования Сибири. 1919–1920 гг. // Исторический архив. 2000. № 6. С. 158–177.
15. Некрылов С.А., Фоминых С.Ф., Маркевич Н.Г. и др. Из истории Института исследования Сибири // Журналы заседаний совета Института исследования Сибири (13 ноября 1919 г. – 16 сентября 1920 г.). С. 5–44.
16. Журналы заседаний отделов, Средне-Сибирского отделения и комиссий Института исследования Сибири (1919–1920 гг.) / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. 358 с.
17. Правительственный вестник (Омск). 1919.

Статья представлена научной редакцией «История» 20 марта 2017 г.

THE INSTITUTE FOR THE STUDY OF SIBERIA REGULATIONS: FROM THE FIRST DRAFT TO THE APPROVAL (NOVEMBER 1917 – OCTOBER 1919)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 418, 114–123.

DOI: 10.17223/15617793/418/15

Viktor V. Raskolets, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: predator-101@mail.ru

Keywords: Institute for the Study of Siberia; Tomsk; science; Civil War; A.V. Kolchak's Government.

This article examines the creation, development and approval of the Regulations of the Institute for the Study of Siberia (ISS) on the basis of archival materials, documentary publications and periodicals. It is noted that the first draft of the Regulations was proposed by the Tomsk Institute of Technology professor B.P. Weinberg at the First Siberian Meteorological Congress held in Irkutsk from October 26 to November 2, 1917. It is emphasized that the work on the Regulations was underway even during preparations for the Congress on the foundation of ISS, and was conducted by such figures as B.P. Weinberg and V.B. Shostakovich. The next version of the Regulations was developed by the Executive Bureau for the preparation of the Congress on the foundation of ISS. This version was more detailed and included five key sections: Institute Objectives, Institute Rights, Institute Composition and Institute Finances. This project was presented to the delegates at the Congress on the foundation of ISS held from 15 to 26 January, 1919. The delegates' various viewpoints on the main points of ISS – objectives, composition and jurisdiction – were analyzed. The delegates' (especially non-resident) biggest criticism was aimed at the Congress' lack of any real say in management. On January 25, 1919, after a major revision, the Regulations of ISS were passed. After the approval of the Regulations by the Congress on the foundation of ISS it was necessary to review and approve the document by the All-Russian Provisional Government headed by Admiral A.V. Kolchak. Only after that ISS could obtain the status of an official organization. There were two stages of the official approval of ISS. The first stage lasted from May 1 to May 18, when the ISS Regulations were discussed at the interdepartmental meetings. During these events, a number of changes were introduced into the Regulations: ISS was forbidden to establish branches in other parts of Siberia on their own, their budget was cut, and the Institute Congress lost the right to elect the Institute Administration Board, etc. During the second stage, the ISS Regulations were discussed at the State Meeting on Economy. The right to organize local branch offices was returned to ISS. At the same time, the number of ISS departments was reduced from 11 to 6, which further hindered the effective work of the Institute. Finally, on July 28, 1919, the ISS Regulations were approved officially, although they were published in *Pravitelstvenny vestnik* only on October 25, 1919. The author concludes that, while starting its existence as a fairly abstract design, the ISS Regulations gradually became a document suitable for a large research institution. The Institute structure, the nature of its activity and management principles were points of discussion for many scholars, and that was revealed fully at the Congress on the foundation of ISS. However, the government still had the final word.

REFERENCES

1. Molchanov, L.A. (2009) "Institut predstavlyaetsya v vide moshchnogo... soyuza vseh kolektivov, prichastnykh k delu izucheniya Sibiri". Organizatsiya i deyatel'nost' Instituta issledovaniya Sibiri. 1919–1920 gg. ["The Institute is represented in the form of a powerful... union of all collectives involved in the study of Siberia." Organization and activities of the Institute for the Study of Siberia. 1919–1920]. *Vestnik arkhivista*. 6. pp. 158–177.
2. Fominykh, S.F. (ed.) (2008) *Zhurnaly zasedaniy soveta Instituta issledovaniya Sibiri (13 noyabrya 1919 – 16 sentyabrya 1920)* [Journals of the meetings of the Board of the Institute for the Study of Siberia (November 13, 1919 – September 16, 1920)]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Rynkov, V.M. (2008) *Sotsial'naya politika antibol'shevistskikh rezhimov na vostoке Rossii (vtoraya polovina 1918–1919 g.)* [Social policy of anti-Bolshevik regimes in the east of Russia (second half of 1918–1919)]. Novosibirsk: Institute of History, SB RAS.
4. Zulyar, Yu.A. (ed.) (2012) *Ocherki istorii Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta* [Essays on the history of Irkutsk State University]. Irkutsk: Irkutsk State University.

5. Khaminov, D.V. (2011) Historical science in Siberia and the organization of Siberian research in the period of revolution, the Civil War and the first years of Soviet power (1917 – mid-1920s). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 352. pp. 111–116. (In Russian).
6. Nekrylov, S.A. (2011) *Tomskiy universitet – pervyy nauchnyy tsentr v aziatskoy chasti Rossii (seredina 1870-kh gg. – 1919 g.)* [Tomsk University – the first scientific center in the Asian part of Russia (mid-1870s–1919)]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Ermakova, E.V. et al. (1999) *Dal'nevostochnyy gosudarstvennyy universitet. Istoriya i sovremennost'. 1899–1999* [Far Eastern State University. History and modernity. 1899–1999]. Vladivostok: Far Eastern State University.
8. *Golos Sibiri*. (1919).
9. First Siberian Meteorological Congress. (1919) *Trudy Pervogo sibirskogo meteorologicheskogo s"ezda v g. Irkutske 26–30 oktyabrya 1917 goda* [Proceedings of the First Siberian Meteorological Congress in Irkutsk on October 26–30, 1917]. Blagoveshchensk: Tipo-lit. "I. Ya. Churilo i K".
10. *Nauka i ee rabotniki*. (1921) *Nauka i uchenye v Sibiri. Geologicheskie i gidrograficheskie issledovaniya* [Science and scientists in Siberia. Geological and hydrographic research]. *Nauka i ee rabotniki*. 1. pp. 7–23.
11. Kol'tsov, A.V. (1999) *Deyatel'nost' KEPS v gody Pervoy mirovoy voyny 1914–1918* [Activities of the Commission for the Study of the Natural Productive Forces of Russia during the First World War, 1914–1918]. [Online] Available from: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/kol99v.htm>. (Accessed: 28th March 2017).
12. Veynberg, B.P. (ed.) (1919) *Trudy s"ezda po organizatsii Instituta issledovaniya Sibiri* [Proceedings of the Congress on the organization of the Institute for the Study of Siberia]. Tomsk: Tomskaya gubernskaya tipografiya.
13. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-26. *Institut issledovaniya Sibiri* [Institute for the Study of Siberia]. List 1.
14. Istoricheskiy arkhiv. (2000) "Tsel'yu instituta yavlyaetsya...": dokumenty ob organizatsii i deyatelnosti Instituta issledovaniya Sibiri. 1919–1920 gg. ["The aim of the Institute is...": documents on the organization and activities of the Institute for the Study of Siberia. 1919–1920]. *Istoricheskiy arkhiv*. 6. pp. 158–177.
15. Nekrylov, S.A. et al. (2008) Iz istorii Instituta issledovaniya Sibiri [From the history of the Institute for the Study of Siberia]. In: Fominykh, S.F. (ed.) *Zhurnaly zasedaniy soveta Instituta issledovaniya Sibiri (13 noyabrya 1919 – 16 sentyabrya 1920)* [Journals of the meetings of the Board of the Institute for the Study of Siberia (November 13, 1919 – September 16, 1920)]. Tomsk: Tomsk State University.
16. Fominykh, S.F. (ed.) (2014) *Zhurnaly zasedaniy otdelov, Sredne-Sibirskogo otdeleniya i komissiy Instituta issledovaniya Sibiri (1919–1920 gg.)* [Journals of meetings of departments, the Central Siberian Department and the commissions of the Institute for the Study of Siberia (1919–1920)]. Tomsk: Tomsk State University.
17. *Pravitel'stvennyy vestnik*. (1919).

Received: 20 March 2017